

Н. Н. Родигина

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ ЛИТЕРАТУРНЫХ ПУТЕШЕСТВИЙ В СИБИРЬ

В РУССКИХ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ЖУРНАЛАХ
ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XIX ВЕКА¹

Статья посвящена изучению роли общественно-политических ежемесячников в популяризации литературного «освоения» Сибири и характеристике содержания географических образов путешествий в регион на страницах «толстых» журналов.

Ключевые слова: литературные путешествия, «толстые» журналы, географические образы, образы путешествий.

Один из теоретиков гуманитарной географии Д. Н. Замятин, размышляя о роли литературы путешествий в формировании географических образов, заметил: «Русская литература уже по своему происхождению, *ad hoc*, принадлежит путешествиям; роль путешествий в формировании русской литературы переоценить невозможно. Во многом посредством литературных произведений (и текстов, ставших таковыми) Россия осознала и осмысляла свои огромные и слабо освоенные пространства. Можно сказать, что русская литература развивалась на ходу, трясясь в карете, в тарантасе, на телеге, по пыльным проселкам и широким трактам. Отсюда несомненная важность для ее понимания путевых заметок, писем, очерков, дневников и публицистики»². Данное наблюдение можно экстраполировать на процесс литературного освоения/присвоения Сибири, включения ее как «своей» территории в коммуникативное пространство русских интеллектуалов. Путевые очерки и заметки о Сибири, мемуары и отчеты о путешествиях в восточные окраины расширяли представления жителей «внутренней России» о чужой и малоизвестной территории, населенной «другими/чужими» народами, формировали узнаваемые образы территорий и населения

¹ Исследование выполнено при поддержке РГНФ в рамках проекта «Тема Сибири в русской журнальной прессе второй половины XIX – начала XX в.: аннотированный библиографический указатель» (грант № 10-01-00445а).

² *Замятин*. 2004. С. 26.

«азиатских владений» Российской империи, вписывали «новые земли» в ментальные карты образованных россиян.

Большую роль в процессе коллективного «познания» Сибири играли «толстые» журналы, являвшиеся одним из основных источников формирования, структурирования и трансляции общественного мнения во второй половине XIX в. Именно они публиковали на своих страницах литературу путешествий, осуществляли финансовую поддержку известных писателей, отправлявшихся в Сибирь «за новыми темами и впечатлениями», информировали читающую публику о результатах таких «литературных экспедиций».

Изучение репрезентаций литературных путешествий в Сибирь (и по Сибири) в общественно-политических журналах второй половины XIX в. позволит судить о влиянии путешествий на представления о регионе, уточнить этапы эволюции и факторы формирования образа Сибири, выявить причины «моды на Сибирь» у русских интеллектуалов. Обращение к названной теме поможет расширить представление о структуре и содержании сибирского гипертекста русской культуры, определить роль журналов в процессе его формирования.

Наша задача — раскрыть роль общественно-политических ежечасников в популяризации идеи литературных путешествий в Сибирь, охарактеризовать содержание географических образов путешествий в регион, репрезентировавшихся со страниц «толстых» журналов.

Под литературными путешествиями, вслед за В. М. Гуминским, понимается «жанр, в основе которого лежит описание путешественником (очевидцем) достоверных сведений о каких-либо, в первую очередь, незнакомых читателю или малоизвестных странах, землях, народах в форме заметок, записок, дневников, журналов, очерков, мемуаров»³. Представляется важным, что помимо познавательных, путешествие может ставить дополнительные — эстетические, политические, публицистические и другие задачи. Продуктивными, с точки зрения замысла данной статьи, являются наблюдения филологов В. А. Шачковой, М. Г. Шадринной, Е. А. Стеценко о принципе жанровой свободы, характерной для разных уровней текстов литературы путешествий; об отсутствии строгих литературных условностей и жанровых канонов, о необязательности структурированной фабулы в текстах этого жанра; утрированной «фактичности» повествования; о сильном воздействии на литературное пу-

³ Гуминский. 1987. С. 314.

тешестве запросов аудитории, внелитературных обстоятельств⁴. На мой взгляд, «толстые» журналы путем публикации литературы путешествий, с одной стороны, формировали каноны жанра, способствовали его популяризации, с другой, помещая рецензии на такую литературу, информировали о реакции литературно-социализированной аудитории и профессиональных критиков на конкретные произведения.

В 1850–70-е гг. редакции общественно-политических ежемесячников исходили из слабой информированности своих читателей о регионе, описывали его как экзотические и малоизвестные страны. При этом чаще всего с Сибирью соотносился концепт «страна» и повторяющиеся слова-репрезентанты «отдаленная страна», «далекие страны Сибири», «страна, сравнительно богатая от природы», «страна изгнания и забвения», «холодная, мрачная пустыня». Анализ разножанровых публикаций о регионе позволяет распространить на них наблюдения В. И. Тюпы, сделанные на материале русской классической литературы, о том, что хронотопический образ Сибири интерпретировался как образ страны холода (зимы), ночи (луны), т.е. смерти в мифологическом ее понимании. Раскрывая содержательные характеристики «сибирского текста русской культуры», Тюпа акцентировал внимание на том, что «уникальное взаимоналожение геополитических, культурно-исторических и природных факторов привело к мифологизации Сибири как края лиминальной полусмерти, открывающей проблематичную возможность личного возрождения в новом качестве и соответствующего обновления жизни»⁵.

Наряду с этим, регион осмысливался как нечто отдельное, отличное от «своей» Европейской России, даже когда описывался людьми, долгое время прожившими в крае. С позиций европоцентричного просветительства Сибирь для «встраивания» ее в коммуникативное пространство империи нуждалась в научном изучении и литературном описании. В первые десятилетия издания «Русского вестника», «Вестника Европы» знакомство читателей с малоизвестным, окутанным мифологемами, а потому особенно притягательным регионом происходило в том числе и посредством публикации мемуаров и путевых очерков. Например, из 191 выявленного нами текста о Сибири в «Русском вестнике» с 1856 по 1904 гг., 21 составляют мемуары, путевые очерки, письма о добровольных или вынужденных путешествиях по восточным губерниям. При этом большая их часть (16) приходится на период с 1856 по 1887 гг.

⁴ Шачкова. С. 277-281; Шадрина. 2003; Стеценко. 2003.

⁵ Тюпа. 2002. С. 28.

Большой резонанс, как среди современников, так и у исследователей-потомков вызвали знаменитые мемуары Ф. Ф. Вигеля, представляющие собой целостное, хронологически последовательное мемуарно-автобиографическое повествование⁶. Блестяще образованный, ироничный, хорошо информированный, не лишенный литературного дара мемуарист посвятил Сибири пятую главу своих воспоминаний. Упреждая ожидания потенциальных читателей от человека, бравшегося за описание неизвестной зауральской стороны, мемуарист писал: «Не должно ожидать от меня того, что требуется от других путешественников, ученых или литераторов. Любопытных открытий по части естественной, глубоких наблюдений по части нравственной и политической, я делать не мог: если какой-нибудь странный обычай возбуждал мое внимание, если величие новой для меня природы поражало меня, то произведенными во мне ощущениями, сколько могу, готов поделиться с читателем, но много обещать не смею»⁷. Несмотря на это предупреждение, в мемуарах Вигеля мы встречаем тонкие наблюдения о городах, людях, природе Сибири начала XIX в., позволяющие выяснить, какие реалии повседневной жизни отдаленной провинции приковывали внимание «другого», какие эмоции они порождали. Здесь мы рассмотрим мемуары Вигеля как источник изучения культурно-географических образов.

Метафоричная речь рассказчика представляет достаточно типичный набор образов региона. Сибирь, которую, «если Бог милостлив, никогда не увижу», представлялась как *место чиновничьего всевластия*, особенно ярко проявившегося в губернаторство И. Б. Пестеля, имя которого Вигелю напоминало моровую язву, а сам губернатор назван «продолжительным бедствием Сибири». Актуализируя в сознании младших современников *образ края как неожиданно доставшейся государству ресурсной кладовой*, Вигель так описывал отношение России к региону: «Беспечная Россия всегда смотрела на Сибирь как богатая барыня на дальнее поместье, случайно ей доставшееся, куда она никогда не заглядывала, управление коего совершенно вверено приказчикам, более или менее честным, более или менее искусным. Поместье всегда исправно платит оброк золотом, серебром, железом, мехами: ей только и надобно; о нравственном и политическом состоянии его она мало заботится; крестьяне, ходя на промысел и подвигаясь все вперед, наткнулись на транзитную китайскую торговлю, тем лучше, и им прибыль, и госпоже»⁸.

⁶ Тартаковский. 1991. С. 156.

⁷ [Вигель]. 1864. С. 98.

⁸ Там же. С. 162-163.

Другая метафора – «медведь, сидящий у России на привязи», – опередмечивается не только через описание несамостоятельного положения различных социальных страт сибирского населения, но и констатацией невозможности Сибири отделиться от России: «Она так велика, так бедна жителями, сообщения между ними так затруднительны, что всякая попытка будет неудачна». Стратегическое значение региона для Российской империи – неизрасходованный запас «беспредельных, необработанных пустошей», который в случае нужды может быть использован для увеличивающегося населения «коренной» России. Итак, Сибирь, по мнению проницательного чиновника, *резервный земельный фонд*, за счет освоения которого «Россия будет все расти, а Сибирь укорачиваться»⁹.

Среди авторов путевых очерков о Сибири, публиковавшихся в «толстых» журналах 1850–1870-х гг., встречаем, как правило, не профессиональных литераторов, а исследователей и путешественников (П. А. Кропоткин, Д. И. Романов, А. В. Вышеславцев, Г. Н. Потанин), офицеров (И. Мевес) и жен офицеров (Ю. Г. Завойко) и чиновников, дочерей золотопромышленников (Л. В. Аксенова), что свидетельствует о популярности жанра и об актуальности темы Сибири¹⁰.

Рассказы «от первого лица» о необычной природе и ландшафтах Сибири, как правило, сравниваемой с известными читателям европейской части страны окрестностями «средней полосы»; повествование о тяжелых путевых условиях, компенсирующихся, тем не менее, сильными впечатлениями от «новых мест»; описание нетривиальных для повседневности поступков путешественников или мемуаристов, с одной стороны, отражали, а с другой – создавали в общественном мнении романтизированный образ региона, в котором есть шанс проявить свои лучшие человеческие качества и принести славу отечеству, где есть место для открытий и отваги. Публикации общественно-политических ежемесячников 1850–1870-х гг. номинировали регион и как территорию, дающую возможность для повышения своего социального статуса, дарящую иллюзии о легкости улучшения своего материального благосостояния, побуждающую искателей приключений к авантурным поступкам. Как влияли такие представления на поведенческие стратегии, а порой и биографии современников, свидетельствует следующий фрагмент автобиографических заметок, опубликованных в «Русском вестнике» автором, подписавшимся «К. Золотилов»: «Есть убеждение, что Си-

⁹ Там же. С. 163-164.

¹⁰ Романов. 1856. С. 117-128; Кропоткин. 1865. С. 663-681; Мевес. 1863; Аксенова. С. 735-768; О. 1871. С. 580-661 и др.

бирь, хотя страна и холодная, но зато богатая, что это наше русское Эльдорадо, где смелого искателя ждет и счастье, и богатство. Поддавшись этому обольстительному убеждению, я полетел туда искать счастья и для первого дебюта поступил доверенным на службу в одну золотопромышленную компанию, не имея ни малейшего понятия ни о сибирской жизни, ни о людях, с которыми приходилось мне иметь дело, ни о золотопромышленности, к которой предназначал себя»¹¹.

О популярности литературных путешествий у читательской аудитории «толстых» журналов свидетельствует и факт обращения сибиряков к этому жанру для знакомства читающей публики со своей родиной. Например, о достопримечательностях своей губернии *так* писал тобольский губернский заседатель К. Г. Губарев, *так* информировал подписчиков журнала «Современник» о Туруханском крае енисейский окружной начальник, этнограф А. А. Мордвинов¹² и др. Известные публицисты, идеологи сибирского областничества, активно писали о нуждах региона в «Современнике» и «Деле» именно в этом жанре¹³.

С 1860-х гг. журналы освещали результаты литературных экспедиций в регион и сами принимали участие в их организации. Сибирь постепенно становится местом паломничества профессиональных литераторов, местом культовым для русской литературы путешествий.

Практика литературных экспедиций в изучаемый нами период берет начало с известной экспедиции, организованной в 1855 г. морским ведомством по инициативе великого князя Константина Николаевича для исследования быта жителей Архангельской, Астраханской, Оренбургской губерний, занимавшихся рыболовным промыслом. Результатом экспедиции должны были стать литературные очерки, предназначавшиеся для публикации в «Морском сборнике». В качестве экспертов были привлечены А. Ф. Писемский, С. В. Максимов, А. А. Потехин, А. Н. Островский. Образцом жанра послужили очерки И. А. Гончарова, составившие впоследствии цикл «Фрегат Паллада». Заметим, что путевые очерки Гончарова не только актуализировали тему Сибири в сознании читающей России, но и стали своеобразным литературным канонем для участников последующих экспедиций на восток империи.

Впоследствии практика организации литературных экспедиций стала обыденной. Уже упомянутый мною участник первой литературной экспедиции, писатель и этнограф С. В. Максимов по поручению велико-

¹¹ Золотилов. 1863. С. 313.

¹² Губарев. 1863. С. 353-388; Мордвинов. 1860. С. 373-432 и др.

¹³ См.: Семилуженский [Яринцев]. 1868. С. 72-110; Потанин. 1859 и др.

го князя был отправлен для исследования только присоединенного к России Амурского края. Государственный интерес был дополнен личным исследовательским интересом Максимова, который получил дополнительное разрешение посетить рудники и остроги для ознакомления с бытом заключенных и ссыльнокаторжных. Мотивированное обращение к теме каторги являлось проявлением увлеченности писателя темой «общности людей в разнообразных социально-бытовых ситуациях». Это объясняет авторский интерес к артельности каторжного населения. Результатом поездки стал цикл очерков, опубликованных в «Морском сборнике», «Отечественных записках», «Вестнике Европы». В 1864 г. они были изданы под общим названием «На Востоке, поездка на Амур в 1860–61 гг. Дорожные заметки и воспоминания». Широко известно, что они стали одним из литературных источников произведений М. Е. Салтыкова-Щедрина, Н. А. Некрасова, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова. Примечательно, что научная общественность восприняла художественный текст как юридическое обоснование необходимости реформирования сибирской ссылки. К примеру, криминалист И. Я. Фойницкий всерьез критиковал Максимова за недостаточный анализ государственно-правовых актов, детерминировавших законодательное регулирование ссылки в регион¹⁴. Таким образом, в сознании современников материалы литературных экспедиций оценивались не столько с позиции их художественно-эстетической ценности, сколько с точки зрения их научного и практического значения. Они соотносились не только с художественным, но и научным дискурсом о Сибири.

Экспедиция Максимова была наглядным воплощением идеи «научного завоевания» новых территорий, характерной для имперской географии власти. Однако помимо сбора научных сведений о природно-климатических характеристиках, экономических и оборонных ресурсах, образе жизни населения имперских окраин, власть привлекала литераторов для формирования их художественных образов. Учитывая литературоцентричность русского общества второй половины XIX в., она использовала потенциал «путешествий» для включения «далекой», «чужой», «другой» Сибири в ментальное пространство «своей» России.

В 1880–1890-е гг. литературные экспедиции в Сибирь предпринимались уже по инициативе самих писателей, как правило, при финансовой поддержке ведущих периодических изданий. Стремление участвовать в «литературном освоении» восточных окраин было связано с

¹⁴ Фойницкий. 1874. С. 124.

изменением статуса региона не только в геополитических стратегиях власти, но и в интеллектуальном коммуникативном пространстве империи. Можно назвать следующие причины актуальности «сибирской темы» в русской общественной мысли: *социально-экономические* (строительство Транссибирской железной дороги, массовое переселенческое движение в регион, ускорение его хозяйственного развития и др.); *социокультурные* (рост регионального самосознания сибирской интеллигенции, активная литературная деятельность политических ссыльных и областников); *общественно-политические* (борьба за распространение на регион либеральных реформ, отмену ссылки) и т.д.

Определенную роль играло стремление открыть читающей России зауральскую *terra incognita*. Заметим, что стереотипное представление о «неизвестной Сибири» бытовало в русской прессе на протяжении всей второй половины XIX в., вне зависимости от реальной степени информированности русского общества о регионе, и было, по сути, общепризнанным аргументом, подтверждающим актуальность «сибирской темы» в журналистике и в художественной литературе. Несмотря на то, что начиная с 1880-х гг. ежемесячники различной политической ориентации регулярно помещали на своих страницах публицистические статьи, информационные сообщения, литературные произведения, рецензии на книги о Сибири, большинство авторов, писавших о регионе, обращали внимание на скудость и неточность представлений читающей России о зауральских окраинах. Сошлось на два типичных в этом смысле свидетельства. В 1883 г. на страницах «Русской мысли» И. Левитов, после путешествия из Москвы до Томска, констатировал: «Боязнь и трепет пред Сибирью, которые многие питают к ней, лишены... смысла. Это объясняется только абсолютным незнанием Сибири и теми ложными сведениями, которые вкоренены у нас с детства»¹⁵. Почти десять лет спустя историк А. А. Корнилов, заведовавший тогда крестьянским и переселенческим делом в Иркутской губернии, замечал: «Едва ли есть на свете страна, сведения о которой в публике были бы так же сбивчивы и недостоверны, как сведения о Сибири. Можно биться об заклад, что из десятка лиц, приступающих к чтению настоящего очерка, девять не имеют об этой обширной окраине никаких определенных сведений, а только некоторые общие, крайне сбивчивые представления: для одних Сибирь страна морозов и тундр, для других – непроходимый девственный лес, изобилующий хищными зверями и дикарями, для третьих – страна

¹⁵ Левитов. 1883. С. 3.

ссылных и бродяг, где убийства, грабежи и т.п. составляют обычный порядок вещей, для четвертых – «золотое дно», открывающее обширный простор для всевозможных видов наживы и т.д.»¹⁶.

Однако желание узнать «эту чертову яму», «мрачную и холодную» Сибирь (Г. И. Успенский) было связано не столько с противоречивой литературной репутацией региона, сколько с идентификационными исканиями русских писателей. Одним из ключевых мотивов экспедиций писателей-реалистов было желание познать «Россию в Сибири» — месте, наиболее ярко воплощавшем «язвы» и беды русской жизни; понять и описать мужика в экстремальных условиях, в драматичные, переломные моменты его жизни; увидеть своими глазами такого русского мужика, который не знал крепостного права. В этом смысле примечательны и в определенной степени типичны рассуждения Успенского: «... смотрел на эту закованную толпу: всё знакомые лица, и мужики, и господа, и воры, и политические, и бабы, и все-все наше, из нутра русской земли... все это валило в Сибирь из этой России. И меня так потянуло вслед за ними, как никогда в жизни не тянуло ни в Париж, ни на Кавказ, ни в какие бы то ни было места, где виды хороши, а нравы еще того превосходней. Ведь эти люди — отборный продукт тех русских условий жизни, той путаницы, тоски, мертвечины, трусости или отчаянной смелости, среди которых живем мы, не сосланные, томимся, скучаем, мучаемся, пьем чай с вареньем от скуки, врем и лжем, и опять мучаемся...»¹⁷. Как известно, литературная экспедиция в Сибирь Успенского для ознакомления с состоянием переселенческого дела продолжалась с мая по август 1888 г. Ее основным результатом стали очерки, впоследствии вошедшие в цикл «Поездки к переселенцам»¹⁸. Не менее важны были встречи авторитетного «бытописателя внутренней России» с политическими ссылными, представителями сибирской интеллигенции, способствовавшие включению провинциалов в имперское интеллектуальное пространство.

Не без влияния поездки Успенского родилась идея экспедиции в Сибирь одного из учредителей «Общества вспомоществования нуждающимся переселенцам» экономиста А. А. Исаева. Несмотря на то, что целью был сбор информации (в первую очередь, статистической) о социально-экономическом положении переселенцев, об организации помощи мигрантам в сибирских губерниях, одним из результатов поездки,

¹⁶ А. А. К. [Корнилов]. 1892. С. 40.

¹⁷ Успенский. (1884 г.). 1951. Т. 13. С. 378.

¹⁸ Успенский. 1891. С. 202-220.

в соответствии с традициями эпохи, стали путевые записки «От Урала до Томска», опубликованные в 1891 г. «Вестником Европы».

Самой знаменитой литературной экспедицией на восток империи можно считать поездку А. П. Чехова на Сахалин в 1890 г. Учитывая, что все ее обстоятельства давно и подробно изучены литературоведами, остановимся на констатации ее причин. В их числе чеховеды называли необходимость обогащения новым жизненным материалом, расширения сферы творческого опыта, акцентировали внимание на отсутствии видимого практического смысла у этого трудного и опасного для больного писателя путешествия, указывали на серьезность подготовительной исследовательской работы, проделанной Чеховым перед поездкой в Сибирь. Достаточно емко мотивы своей поездки сформулировал сам писатель в письме к Суворину 9 марта 1890 г.: «Еду я совершенно уверенный, что моя поездка не даст ценного вклада ни в литературу, ни в науку: не хватит на это ни знаний, ни времени, ни претензий... Быть может, я не сумею ничего написать, но все-таки поездка не теряет для меня сильного аромата: читая, глядя по сторонам и слушая, я многое узнаю и выучу». Итогом поездки стали циклы очерков «Из Сибири» и «Остров Сахалин»¹⁹ и... новый этап литературного паломничества в Сибирь. По совету Чехова в Сибирь за «литературным материалом» отправился начинающий писатель Н. Д. Телешов, «открывать свой Сахалин» поехал «король фельетона» В. Дорошевич.

«Голстые» журналы репрезентировали читающей публике не только образы региона, сконструированные в процессе добровольных путешествий по восточным губерниям, но и знакомили читателей с восприятием региона политическими ссыльными²⁰. Именно на страницах общественно-политических ежемесячников публиковали свои путевые очерки К. М. Станюкович, В. А. Обручев, В. Г. Богораз (Тан)²¹ и др.

Содержательный анализ художественных текстов, написанных по результатам литературных путешествий в Сибирь, позволяет утверждать, что писатели, в основном, транслировали те образы региона, которые бытовали в сознании образованных россиян изучаемой эпохи и в значительной степени были сконструированы «толстыми» журналами. Так, все участники литературных путешествий тиражировали в своем

¹⁹ Чехов. 1893.

²⁰ Более подробно о репрезентациях Сибири в литературном творчестве политических ссыльных см.: Родигина. 2006. С. 235–245.

²¹ Нельмин [Станюкович]. 1886; Тан [Богораз]. 1896. С. 110–114; Обручев. 1907. С. 565–595 и др.

творчестве образ малоизвестной Сибири, *terra incognita*, ожидающей интеллектуальной экспансии, то есть изучения и описания учеными, писателями, журналистами, чиновниками, любознательными обывателями. Всеми литераторами поддерживался образ Сибири как отсталой в культурном смысле провинции, нуждавшейся в просвещении и приобщении к достижениям европейской цивилизации.

Общей для путевых очерков и других жанров литературы путешествий была актуализация образа Сибири как места чиновничьего произвола, «страны бесправия и бессудия». Если для С. В. Максимова он был «воспоминанием» о дореформенной России, то Г. И. Успенский и А. П. Чехов рассматривали этот образ как одну из ключевых характеристик региона в современном им социуме. Всеми литераторами тиражировался образ Сибири — *каторги, страны изгнания*. Употребление морбиальных метафор (болезни), метафор «свалки» («канализационная яма империи», «резервуар отбросов Европейской России», «клоака всероссийских подонков самого злокачественного свойства», «лечебница для душевнобольных» и т.д.) свидетельствует о консолидированной оценке негативного влияния уголовной и административной ссылки на социально-экономическое и культурное развитие Сибири.

Образ далекой, холодной страны, населенной другими/чужими народами, активно транслировавшийся учебной, справочной и художественной литературой первой половины XIX в., был представлен, главным образом, в творчестве С. В. Максимова.

В 1880–1890-е гг. под влиянием моды «на Сибирь», отражением и одновременно фактором популяризации которой были литературные путешествия, меняется семантическое поле топонима «Сибирь» и в лексиконе русских писателей. Во-первых, вместо распространенного обозначения «страна» все чаще начинает употребляться слово «окраина», фиксировавшее ее географическую удаленность от ядра государства, «внутренней» России. Симптоматично усиление приближенности Сибири к России при помощи местоимений «наша», «наши»: далекая наша окраина, наши дальние края, восточная наша окраина. Изменение семантики концепта «Сибирь» в литературе путешествий отразилось и в активном использовании метафор родства и соседства (Сибирь — *сестра, дочь России, близкая соседка*). Во-вторых, впечатляет обилие указаний на территориальную протяженность Сибирь, обширность, «привольность» края. Чаще всего прилагательные «великий», «обширный» употреблялись при описании аграрных миграций в регион и неосознанно противопоставлялись земельной «тесноте» «коренной» России. Ис-

пользование словосочетаний, указывающих на природные богатства края, в том числе и земельные ресурсы, свидетельствуют о стойкости стереотипа «Сибирь – ресурсная кладовая», «золотое дно». При этом современное им состояние края достаточно часто описывалось литераторами через метафоры «тупика», «застоя».

Однако при этом в путевых очерках доминировало представление о Сибири как «*другой России*». Если «внутренняя» Россия описывалась при помощи антропоморфной, космогонической, генетической символики, домашних метафор²², то образ Сибири запечатлевался главным образом через метафоры «свалки» и «болезни». Воплощением «инаковости» Сибири и ее населения в литературе пореформенной империи являлись выводы о социокультурном, этнографическом и антропологическом своеобразии населения региона, активно обсуждавшаяся тема «обынородчивания» русских переселенцев на восточных окраинах.

Основной результат литературных путешествий в Сибирь заключался в том, что властители дум пореформенных интеллектуалов, используя свой символический ресурс, создали канонические тексты о регионе, закрепили в сознании многих поколений читателей ранее существовавшие образные стереотипы Сибири. Литературные путешествия, результаты которых публиковались на страницах популярных периодических изданий, способствовали ментальной и интеллектуальной «колонизации» новых территорий. Репрезентации Сибири как «другой» России (виноватой / наказанной / вольной и т.д.) способствовали формированию национальной, мировоззренческой, социокультурной идентичностей образованных русских, стали основой для понимания особенностей своей родной, «внутренней» России.

БИБЛИОГРАФИЯ

- А. А. К. [Корнилов А. А.] Богатство и бедность Сибири // Мир божий. 1892. № 7. С. 40–67.
- Аксенова Л. Шесть месяцев в сибирской тайге // Русский вестник. 1880. №2. С. 735–768.
- [Вигель Ф. Ф.] Воспоминания Ф. Ф. Вигеля // Русский вестник. 1864. № 5. С. 98–164.
- Горизонтов Л. Е. Внутренняя Россия и ее символические воплощения // Российская империя: стратегии стабилизации и опыты обновления / Под ред. М. Д. Карпачева, М. Д. Долбилова, А. Ю. Минакова. Воронеж: Изд-во Воронежского гос. университета, 2004. С. 61–88.
- Гуминский В. М. Путешествие // Литературный энциклопедический словарь / Под общ. ред. В. М. Кожевникова, П. А. Николаева. М.: Советская энциклопедия, 1987. С. 314.

²² Горизонтов. 2004. С. 61–88.

- Замятин Д. Н. Географические образы путешествий // Гуманитарная география. Альманах / Сост., отв. ред. Д. Н. Замятин и др. Вып. 1. М., 2004. С. 12–41.
- Золотилов К. Сибирская тайга // Русский вестник. 1863. № 2. С. 779–814.
- Кропоткин П. А. Поездка из Забайкалья на Амур через Манчжурию // Русский вестник. 1865. № 6. С. 663–681.
- Левитов И. От Москвы до Томска // Русская мысль. 1883. № 7. II отд. С. 1–30.
- Мевес И. Три года в Сибири и в Амурской стране // Отечественные записки. 1863. № 5–7.
- Мордвинов А. А. Записки о Туруханском крае // Современник. 1860. № 12. С. 373–432.
- Нельмин Л. [Станюкович К. М.] В далекие края // Русская мысль. 1886. №№ 1, 2, 4, 12.
- О. Поездка по китайской границе от Алтая до Тарбагатай // Русский вестник. 1871. № 6. С. 580–661.
- Обручев В. А. Из пережитого // Вестник Европы. 1907. № 5. С. 565–595.
- Потанин Г. Н. Полгода в Алтае // Русское слово. 1859. № 9–12.
- Родигина Н. Н. Мать или мачеха: образ Сибири у политических ссыльных второй половины XIX в. // Социальные конфликты в истории России. Омск: Изд-во ОмГПУ, 30 ноября 2006 г. Омск, 2006. С. 235–245.
- Романов Д. И. Поездка на прииск Лазоревго камня в окрестностях Байкала // Русский вестник. 1856. Ноябрь. Кн. 1. С. 117–128.
- Семилуженский [Ядринцев Н. М.] Письма о сибирской жизни // Дело. 1868. № 5. С. 72–110.
- Стеценко Е. А. История, написанная в пути... (Записки и книги путешествий в американской литературе XVII–XIX вв.). М.: Наследие, 2003. 312 с.
- Тартаковский А. Г. Русская мемуаристика XVIII– первой половины XIX в.: от рукописи к книге. М.: Наука, 1991. 286 с.
- Тюпа В. И. Мифологема Сибири: К вопросу о «сибирском тексте» русской литературы // Сибирский филологический журнал. 2002. № 1. С. 27–35.
- Тан Н. А. [Богораз В. Г.] Колымские мотивы. Из поездки по тундре // Русская мысль. 1896. № 3. С. 110–114.
- Успенский Г. И. Письма переселенцев: Заметки о текущей народной жизни // Русская мысль. 1891. № 1. С. 202–220.
- Успенский Г. И. Письмо Б. П. Летковой. 10 июля 1884 г. // Успенский Г. И. Полн. собр. соч. в 14 т. М., 1951. Т. 13.
- Фойницкий И. Я. Обзор произведений русской литературы по тюремному делу // Журнал гражданского права. 1874. № 3. С. 231–260.
- Чехов А. П. Остров Сахалин // Русская мысль. 1893. №№ 10–11; 1894. №№ 2–7.
- Шадрин М. Г. Эволюция языка «путешествий»: Дисс. ... д.филол.н. М., 2003. 396 с.
- Шачкова В. А. «Путешествие» как жанр художественной литературы: вопросы теории // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2008. № 3. Сер. Филология. Искусствоведение. С. 277–281.
- Родигина Наталья Николаевна**, доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Новосибирского государственного педагогического университета; natrodigina@list.ru.